текст этого произведения, И. И. Смирнов установил, что в нем 61 раз упомянуто слово „мир" в разных значениях, в том числе в смысле „мира земного", „общества" вообще, а в 6 случаях — как „черная волость или коллектив жителей черной волости". Основной вопрос, разбираемый в „Беседе", по Смирнову, это „вопрос о том, как должен управляться мир".[1] При этом „иноки являются главной и единственной враждебной силой, противостоящей миру".[2] С другой стороны, „самодержавная власть царя рассматривается как гарантия защиты интересов мира".[3]

Итак, произведение посвящено судьбам черносошных волостей. Правда, И. И. Смирнов предпочитает употреблять более широкий термин „мир", но это не меняет дела, ибо даже общество вообще „выступает в «Беседе» как единый и целостный мир — мир «волостей с крестьянами». В нем нет никого, кроме крестьян — «мирян»".[4]

Разбор текста „Беседы" опровергает схему И. И. Смирнова. Действительно, как установили еще Дьяконов и Дружинин, „Беседа" сложилась на русском севере, отсюда и широкое использование ее автором слова „мир". Но этот термин в произведении не равнозначен волости или волостной организации крестьян.[5] Само употребление слова „мир" и „мир" и „мирское", действительно, характерно, но оно говорит о том, что автор „Беседы" был монах из севернорусских земель, противопоставлявший иноческую жизнь мирской.[6] Не случайно героями произведения им были выбраны основатели Валаамского монастыря — Сергий и Герман.

Неверно, что главной враждебной силой в „Беседе" выступают иноки. Автор, наоборот, стремится отстоять чистоту монашеской жизни, критикуя только теневые стороны монашества.[7] Само произведение адресовано монахам („иноком о бозе на большее спасение").[8]

Наконец, уже И. У. Будовниц отметил, что если бы автором „Беседы" был идеолог черносошного крестьянства, то было бы непонятным, почему он выступает сторонником боярского совета при царе и защитником воеводского управления.[9] Впрочем, вывод самого И. У. Будовница о том, что в Беседе „поднимают свой голос низы русского монашества",[10] нельзя признать верным. В „Беседе" нет противопоставления руководства монастырей рядовому монашеству: в стяжании обвиняются монахи вообще без подразделения на какие-либо группы. Подобные обвинения выдвигали и Вассиан Патрикеев и Максим Грек, которые, конечно, не были представителями рядового монашества.[11]

---

[1] И. И. Смирнов, ук. соч., стр. 251.

[2] Там же, стр. 253.

[3] Там же, стр. 252.

[4] Там же, стр. 253.

[5] Случаи, отмеченные И. И. Смирновым, могут рассматриваться как указания на „мирское" население в отличие от монашествующего — и только.

[6] См., например: „Мы, многогрешнии и прегрешнии иноцы возлюбили иночество, отреклися мира" (Беседа. . ., стр. 15).

[7] Он пишет, что иноков нельзя „не гневити и не осужати", а „почитати их честно и милостыни им давати в обители им соружати" (Беседа. . ., стр. 3).

[8] Беседа. . ., стр. 2.

[9] И. У. Будовниц, ук. соч., стр. 250—251.

[10] Там же, стр. 254.

[11] И. У. Будовниц, вслед за рядом исследователей, обвиняет автора „Беседы" в „неучености", якобы характерной для рядовой братии (И. У. Будовниц, ук. соч., стр. 254). Однако отсутствие ссылок на святоотеческую литературу не является показателем „неучености" автора, а может и свидетельствовать о его нежелании пользоваться писаниями „святых отцев".